

Хроники АРХИТА

18+

Миряя Р

Хроники Архита

«Автор»

2026

Р М.

Хроники Архита / М. Р — «Автор», 2026

Что будет, если задвинуть старые обиды подальше и заварить кашу из тех, кого мир предпочел бы забыть? Полудух воды, молодая вампирша, в чьих венах стынет отказ от чужой крови, прагматичная эльфийка с острым языком и смертный парень, уставший от гнили собственного вида, объединяются. Их цель — пробудить древний фолиант и латунного коршуна Архита, способных остановить надвигающуюся бурю. В мире, где эльфы веками сжигали чужие библиотеки, а нечисть считают лишь мишенью, этой разношерстной компании придется доказать: иногда спасти целый мир способна только самая безумная банда изгоев.

© Р М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I: Те, кому некуда бежать	5
II: Пробуждение Хранителя	8
III: Туманное распутье	10
IV: Золотой шум	13
V: Тень из переулка	15
VI: Следы на полях	17
VII: Бог и черви	19
VIII: Чужие грехи	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мирая Р

Хроники Архита

І: Те, кому некуда бежать

— Слабо, Раф! — голос наставника прозвучал холодно, без тени жалости.

Лезвия клинков со свистом рассекали влажный воздух пещеры, высекая сноп искр от резкого удара. Металл звякнул, отзываясь болью в уставших мышцах.

Грэбл отступил на полшага, легко удерживая равновесие, пока его клинок нацелился прямо ей в грудь.

— Этот мир не станет церемониться с тобой только потому, что ты изголодалась и устала. Здесь у тебя нет права на слабость.

Раф сплюнула кровь на серый камень, судорожно выдыхая и сжимая рукоять до побелевших костяшек. Внутренний зверь рвался изнутри, требуя сорваться, но она заталкивала его обратно, подпитываясь чистой яростью.

— Заткнись... — прошипела она, бросаясь вперед в отчаянной попытке обойти защиту старшего.

Но Грэбл двигался быстрее. Одним плавным, расчетливым движением он парировал её удар, заставив оружие отлететь в сторону, и тут же со злобной точностью вогнал короткий кинжал ей в плечо, прокручивая лезвие глубже в плоть. Раф вскрикнула от резкой, разрывающей боли, рухнув на колени. Кровь теплой струйкой побежала по одежде, но наставник лишь наклонился к самому ее уху, не давая опомниться:

— Запомни раз и навсегда, девчонка. В реальности никому нет дела до твоих терзаний. Вне этих стен тебя не пожалеют и не погладят по головке. Либо ты рвешь глотки сама, либо становишься кормом для таких же падальщиков. Выбирай.

Раф задохнулась от боли и гнева, зажав рану рукой. Она подняла на него тяжелый, исступленный взгляд, в котором горело нежелание сдаваться. Грэбл молча выдернул лезвие, отступил на шаг и кивнул на выход из пещеры: — А теперь вставай.

— Война всех изменила. Не было ещё в этих землях места, где каждый уживался бы с каждым. Каждый тянет одеяло на себя, — раздался глухой голос молодой вампириши из полумрака пещеры. Она снова пришла к старшему наставнику то ли за утешением, то ли за советом. Или просто туда, откуда её не погонят. За спокойствием.

— Тянет, спору нет. Но виновата в этом не война, — отозвался Грэбл, прислоняясь спиной к холодному влажному камню. — Я знаю одно убежище. Там не смотрят на родословную и не требуют отчёта в том, каким именно даром ты владеешь — божественным или проклятым.

Молодая вампириша — бледная, с измождённым от бесконечной борьбы с внутренним голодом лицом и запавшими глазами — сидела на каменном стуле, кутаясь в потрёпанный, пропахший пылью дорожный плащ. Каждый вздох отдавался тупой болью в горле: её организм сжигал себя изнутри, требуя запретной человеческой крови, но она держалась на чистой, ослепляющей силе воли. В её взгляде застыла холодная, оцетинившаяся настороженность существа, загнанного в угол самой судьбой.

Грэбл скрестил руки на груди, пристально глядя на вампиришу: — Там ценят совершенно другое.

Раф нахмурилась, недоверчиво прищурившись: — А что может цениться там, куда сбегаются те, от кого отвернулся мир?

Наставник качнул головой и уставился в пол немигающим взглядом. Он уже давно знал, что надо отправить девушку в большой мир, но боялся. Боялся, что он разрушит тот последний шанс Раф прожить, хоть и относительно, но нормальную жизнь.

— Там ценят способность высказать правду. Или выслушать то, от чего другие отворачиваются, — голос Грэбла звучал тяжело, словно эхо из заброшенного склепа. — Это закрытый круг в старой таверне на отшибе. Туда приходят те, кому некуда больше бежать — даже люди, потерявшие свои библиотеки, — мужчина взглянул на подопечную тем взглядом, которым провожают на верную гибель. — Собирайся. Нам пора.

После того как их знакомство состоялось, Аквария поблагодарила Грэбла за услугу и бросила фразу, от которой у вампириши неприятно заскребло на душе: она уже давно искала такую, как Раф.

Раф стояла в стороне, чувствуя, как внутри закипает глухое, липкое раздражение вперемешку с подозрительностью. Мысли крутились в голове назойливым роем: зачем вообще водному полудуху понадобился вампир? С чего вдруг такое гостеприимство? На все эти вопросы Аквария отвечала очень обтекаемо и в итоге просто переводила тему. Раф в итоге сдалась. Все равно идти ей было больше некуда, а полудух хотя бы корчится от одного только вида вампира.

Несколько дней Аквария безвылазно пропадала в своей комнате. Раф видела только то, как полудух по вечерам спускается вниз за едой. Сначала вампириша думала, что это от того, что Аквария спит ночами, а Раф, как и положено всем вампирам, днями. Но все её догадки разбились после того, как она обнаружила, что и ночами Аквария не спит. В один из глубоких вечеров Раф всё же решилась зайти к Акварии. Та стояла возле стола спиной к вампирише, сильно опустив голову, и что-то тихо шептала. В её голосе слышался надрыв и злость. Раф тут же закрыла за собой дверь и глубоко вдохнула. Ну и мрак.

Дорога петляла через выжженные тракты и глухие чащобы. Воздух густел от ночной сырости и запаха прелой листвы. На подходе к извилистой развилке, где сухие ветви старых деревьев смыкались над головой, они услышали глухие, отчаянные звуки борьбы, яростное шипение и глухие удары металла о плетение.

У тихого, затянутого тиной ручья возилась эльфийка. Она запуталась в проклятой охотничьей сети, но вместо того чтобы плакать, ожесточённо рвала когтистыми пальцами прочнейшие нити из лунного шёлка, сжимая зубы от бессильной ярости. Её трясло не от страха, а от дикого, кипящего раздражения на собственное бессилие перед этой ловушкой. Заметив приближение чужаков, она резко вскинула голову, сверкнув разъярёнными глазами, и прошипела сквозь зубы:

— Только попробуйте! Я и сама почти выбралась!

Аквария бесшумно шагнула из теней деревьев, глядя на неё с холодным интересом:

— Что случилось?

Эльфийка дернулась, с отвращением отбрасывая в сторону обрывки проклятой сети, и резко поднялась на ноги, отряхивая одежду с перекошенным от злости лицом:

— Меня выследили... Какая-то тварь... какой-то наемник накинуд на меня эту мерзкую дрянь. Я почти перетёрла нити, но эта падаль чуть не застала меня врасплох.

Аквария не раздумывая протянула вперёд руку. Раф, глядя на это, в удивлении приподняла брови. Какой же дружелюбный дух им попался, может, и бездомных будет за собой звать. Что только творится у неё в голове.

После небольшого привала они двинулись дальше уже втроём — вампириша шла впереди, не выпуская из рук рукоять скрытого под полкой кинжала. Нахождение эльфа рядом изрядно напрягало.

Едва они приблизились к тяжёлым дубовым дверям таверны, затерянной среди тёмных переулков и узких улиц, из-за поворота неожиданно выскользнули чьи-то торопливые шаги. Перед ними вырос парень — смертный, с резкими чертами лица и россыпью веснушек на переносице.

— Приветствую, — негромко произнес он, держась вполне спокойно и рассудительно. Он оперся о перила террасы и, не глядя на девушек, произнес: — Идти вам в одиночку сейчас небезопасно.

— И что ты нам предлагаешь, о великий мудрец? — с раздражением спросила Раф, заметив книжную суму на поясе человека.

— У меня хоть меч с собой есть, — парень смерил каждую девушку оценивающим взглядом. — А то вас выловят по одной.

Люция раздражённо фыркнула, скрестив руки на груди и сверкнув на парня недобрым взглядом.

Аквария долго смотрела на незнакомца, взвешивая каждое слово и размышляя о его предложении. Люция нетерпеливо потянула её за рукав в сторону приоткрытого дверного проёма, но полубогиня в последний момент резко оттолкнула её руку, внимательно глядя на парня: — Не знаю, парень, чего мы тебе сдались, но если уж так хочешь...

— Аквария, — холодно произнесла Люция. — Ну неужели она окончательно выжила из ума? Он же человек. А если...

Сэмуэль не дал ей договорить, уверенным движением протягивая руку для рукопожатия:

— Сэмуэль.

Пути назад не было.

II: Пробуждение Хранителя

Когда в таверне стихли шаги и наступил короткий предрассветный час, Аквария подошла к Раф и тихо тронула ее за рукав:

— Пойдём со мной. Я нашла это, когда пряталась в тени подвала.

Они спустились в дальний, забытый всеми угол зала, заваленный пустыми бочками и ломаной мебелью. Аквария смахнула с каменной ниши толстый слой вековой пыли, и вампириша удивлённо приподняла бровь, скрестив руки на груди:

— Это ещё что за металлолом? Чучело птицы?

— Вовсе нет, — качнула головой полудух, осторожно касаясь пальцами заиндевевших латунных пластин. — Это механический коршун. Посмотри на работу: тончайшие перья, подогнанные друг к другу с ювелирной точностью, сложнейшая часовая механика. Его зовут Архи. А под его лапами покоится древний фолиант. Но он наглухо заперт.

Раф наклонилась, вглядываясь в массивную обложку книги: на тяжёлой медной накладке действительно красовался сложный, витиеватый замок, не поддающийся ни одному известному инструменту.

— И как по-твоему его вскрывать? Обычная магия здесь бессильна?

— Грубая сила ломает железо, а такие замки поддаются лишь тем, кто связан с ними кровью и памятью, — раздался за спиной ровный, лишенный всякого трепета голос.

Из полумрака выступила Люция. В ее бледной ладони лежал необычный, тяжелый ключ: металл отливал пеплом и застарелыми чернилами, а борода была выкована в форме литеры «А».

— Держи, — эльфийка без лишних слов протянула находку вампирше. — Это Ключ Архита. Он создан для этого замка, открой книгу.

Раф осторожно, словно боясь обжечься, перехватила ключ холодными пальцами и вставила его в замочную скважину на обложке.

Раздался глухой, зловеющий щелчок, отдавшийся эхом под сводами зала. Механизм фолианта с лязгом отщелкнул тяжелые застёжки, и книга мягко, тяжело раскрылась, являя миру абсолютно чистые, белые листы пергамента.

— Читай вслух, — негромко приказала Аквария, глядя на вампиршу в упор. — То, что у тебя на душе.

Раф сделала судорожный вдох, сглатывая застрявший в горле ком, и глухо произнесла:

— «Каждая история начинается с того, кто осмелился произнести ее вслух...»

Едва слова сорвались с ее губ и коснулись раскрытых страниц, внутри металлической птицы со скрежетом и звоном закрутились сотни сокрытых шестеренок. Внутренний хронометр на груди коршуна затикал, отсчитывая секунды в пугающем ритме чужого сердцебиения, а единственный глаз-линза вспыхнул резким, пронзительным янтарным светом. Архи расправил бронзовые, пропахшие мазутом крылья, опустил когти на оживший фолиант и издал резкую, режущую слух металлическую трель, прокатившуюся по всей таверне.

— Он слышит нас, — выдохнул Сэмуэль, выглядывая из-за потертой стойки с бледным от напряжения лицом. — Получилось...

— Разумеется, получилось, — скупой обронула Люция, пряча руки в карманы плаща. — Книга открыта. Теперь у нашего Альянса есть Хранитель.

Но едва эльфийка договорила, свечение на белых листах пергамента дрогнуло и начало стремительно блекнуть. Написанные строки таяли на глазах, растворяясь в пустой белизне так же быстро, как появились. Люция с недовольным видом поморщилась, скрестив руки на груди: — Прекрасно. Текст пропадает. Нам придется идти к Чернильному Роднику. Раф опешила, недоверчиво прищурившись: — Куда-куда? — К Чернильному Роднику, — пояснила эльфийка,

не скрывая раздражения. — Это скрытый источник, специально придуманный для этой книги. Без его вод пергамент ничего не удержит, иначе она просто не будет работать. Люция бросила быстрый взгляд на Акварию, которая задумчиво и отрешённо смотрела на замирающие страницы фолианта. Раф поочерёдно перевела взгляд с одной на другую, тяжело и равнодушно вздохнула, после чего бросила:— Делайте что должно, но хотя бы иногда объясняйте, что происходит. Ей, предсказуемо, никто не ответил. Раф лишь молча переглянулась с Сэмуэлем, в чьих глазах читалось такое же глухое непонимание.

III: Туманное распутье

Коршун Архи спал на массивной дубовой балке, а фолиант требовал новых страниц, но для этого клубу нужен был Чернильный Родник — древний источник за пределами стен таверны, чьи темные глубокие воды питали саму суть рассказанных историй. Без них буквы на пергаменте рисковали выцвести до наступления зимы. За ним четверка и отправилась в путь, наивно полагая, что дорога займёт от силы пару склянок времени.

Но старый тракт быстро растворился в сырых перелесках. Извилистые тропы, усыпанные гнилыми корнями, уводили все глубже в сумеречную глушь, пока под кронами вековых сосен не сгустился тяжелый, серебристый морок. Ни звезд, ни ориентиров — только вязкая тишина, в которой каждый шаг отдавался глухим эхом.

— Мы ходим кругами уже третий час, — холодно процедила Раф, брезгливо придерживая подол тёмного плаща, испачканного в болотной жиже. — Аквариа, ты нас ведёшь куда-то не туда. Твоё водное чутье явно дало сбой, раз мы блуждаем по слепому руслу.

— Дай угадаю, сама бы прошла лучше? — Аквариа резко обернулась, и воздух вокруг ее ладоней подернулся ледяным паром. — Моя вода хотя бы живая, в отличие от твоего вечного скепсиса. Ты просто видишь вокруг одни тупики и заранее настраиваешься на худшее.

— Холодный расчет хотя бы опирается на факты, а не на рябь в лужах, — Раф сухо прищурилась, встав прямо посреди тропы. — Ты заставила нас свернуть на развилке только потому, что тебе послышалось журчание. И где оно? Мы стоим по щиколотку в грязи. Признай уже, что заблудилась.

— Я не заблудилась, а ищу нормальный проход! — вскипела Аквариа, шагнув ближе. — Но куда тебе понять, как ориентироваться на местности, если ты привыкла только ворваться и всё испортить?

Они замерли друг напротив друга на узком перекрёстке двух заросших троп.

Люция стояла в паре шагов позади, тяжело привалившись плечом к шершавому стволу сосны. Пальцы её нервно сжимали ремешок походной сумки. Взгляд её острых глаз метнулся от одной спутницы к другой, затем — в непроглядную темь ветвей над головой. Она шумно втянула прохладный воздух сквозь зубы, с силой пнула подвернувшийся сухой сук и раздражённо бросила:

— Мы так до утра отсюда не выйдем. Если вам обязательно нужно поцапаться, давайте хотя бы отойдем с сырости. Туман сгущается, а вы тратите время на пустые споры. Никому из нас это сейчас не поможет.

Лишь Сэмуэль не обращал внимания на ледяное напряжение в воздухе. Он аккуратно сбросил с плеч мешок, опустился на сухой пенёк прямо между застывшими спутницами и достал из кармана огниво и маленькую медную турку.

— Земля здесь сухая, ветра нет, — ровным, мягким голосом заметил он, чиркая кремнем и высекая сноп весёлых золотистых искр. — Давайте сделаем привал. Горячий напиток всем не помешает, а на пустую голову искать скрытые родники бесполезно.

Тонкий запах жареных зёрен и сухого кардамона робко поплыл над застывшим перекрестком, заставив спорщиц на мгновение осечься, но тропы вокруг по-прежнему молчали, не выпуская их из своего плена.

Туманный морок продолжал удерживать их в своих тисках, но слабый запах кардамона и терпких зёрен немного разрядил густую, звенящую от усталости тишину. Споры стихли сами собой, потому что промозглый холод леса пробирал уже до самых костей. Сэмуэль молча разливал остывающий напиток по кружкам, а Раф скрестила руки на груди, безуспешно пытаясь согреться под промокшим плащом.

Вдруг плотная серебристая пелена впереди задрожала. Сквозь чашу донесся размеренный, глухой звук шагов и мерное, тусклое позвякивание металла.

Из темноты, уверенно раздвигая отяжелевшие от росы лапы елей, вышел мужчина. На нём был строгий темно-синий сюртук с латунными застёжками, а через плечо на ремнях висел массивный кожаный тубус. Он шагал так твердо, будто под ногами была вымощенная дорога, а не топкий мох.

— Слишком много шума для места, где легко свернуть шею, — произнес путник низким, спокойным голосом, даже не подняв взгляд от шкалы прибора.

Он остановился прямо на стыке заросших доро и ловким движением извлек из тубуса плотный чертеж, густо исчерченный стрелками и засечками. Раф резко качнулась назад, инстинктивно шагнув ближе к Сэмюэлю, а Люция угрожающе сощурилась, положив пальцы на тетиву лука.

— Ты еще откуда вынырнул? — Люция с подозрением прищурилась, сделав полшага вперед. — В такой туман нормальные путники носа из убежищ не кажут.

— Это не просто путник. Перед вами Инженер течений. Он рассчитывает расстояния между дорогами по скрытым подземным потокам, — тихо представила незнакомца Аквария, обращаясь к спутникам и опуская руки.

Сэмюэль с сомнением покосился на латунные приборы незнакомца, а Раф скептически приподняла бровь.

— Мое ремесло — невозмутимо парировал мужчина, окинув холодным взглядом застывшую четверку, — не просто шаги мерить, а находить нормальные пути там, где все запущено. Вы увязли здесь не из-за деревьев. Воздух вокруг вашего клуба протух задолго до того, как вы свернули на эту тропу. Вы пришли за родником, но сами не заметили, как вас снесло черт знает куда.

— Послушай, мастер чертежей, полегче на поворотах, — раздраженно бросила Раф, сжав кулаки. — Мы и сами знаем, что заблудились, без твоих лекций.

Сэмюэль невольно переглянулся с Люцией, улавливая неприятную правду в чужих словах, но промолчал, предпочитая пока придерживаться вопросы при себе.

Аквария шагнула ближе, заглядывая через его плечо в развёрнутый чертеж:

— И ты знаешь, как выйти к источнику?

— К источнику выйти несложно, если знать дорогу, — Инженер провел латунным циркулем дугу по пергаменту, указывая на тонкий разрыв в линиях. — Настоящая проблема ждет вас не здесь, а там, откуда вы ушли. Прежнее место больше не годится. В таверне банально стало слишком тесно и шумно для книги.

Люция тихо выругалась себе под нос, раздраженно пинком отбросив подвернувшийся под сапог сухой корень.

— Прекрасно просто, — зло выдохнула она, скрестив руки. — То есть мы только обустроили убежище, а теперь снова на выход?

Раф тяжело вздохнула, закрыв глаза на секунду, — мысль о том, что придется снова все бросать и куда-то бежать, отзывалась глухим раздражением.

— Великолечно, — процедила вампирша. — Просто отличные новости на ночь глядя.

Он слегка повернул линзу секстантского кольца, сверяя отметки:

— Вокруг вас постоянно крутятся случайные зеваки, кто-то вечно глазеет, гремит кружками и мешает сосредоточиться. Стоит вам попытаться заговорить о чём-то серьёзном, как тут же начинается балаган. Если вы просто вернётесь туда с водой из Родника, таверна захлебнётся чужим вниманием, и страницы книги просто закроются навсегда. Вам нужно уйти в более тихое, безлюдное место, где никто не будет мешать.

— И куда предлагаешь идти? — скептически изогнула бровь Аквария, обдумывая услышанное. — Вокруг одни чащобы да мертвые топи.

— Кто что думает? — спросила Люция хрипло.

— А что тут скажешь... — качнул головой Сэмуэль, с мрачным видом допивая остывающий настой. — Он прав. В таверне и правда стало невозможно находиться. Да и если книга требует тишины... для чего бы то ни было, — он покосился на Акварию, — то уходить нужно в срочном порядке.

Инженер плотно свернул чертеж, спрятал его обратно в тубус и со щелчком задвинул медный замок:

— Я найду для вас нормальное убежище, где будет спокойно. А пока — допивайте свой настой. Я выведу вас из этого морока прямо к водам Родника, но впереди еще долгая дорога к новому дому. За мной.

IV: Золотой шум

Чернильный Родник открылся им на самом дне тихой каменистой расщелины, куда Инженер течений вывел отряд без единой лишней заминки. Его густые, мерцающие антрацитом воды не отражали неба — они впитывали свет, словно жидкая ночь. Набрав до краев тяжелые дорожные фляги, путники двинулись в обратный путь и к вечеру переступили знакомый порог таверны.

Нужно было забрать спящего Архи, уложить фолиант в дорожный кофр и собрать пожитки до того, как Инженер укажет новый курс.

Но стоило им войти внутрь, как слова Инженера о чужом внимании подтвердились с пугающей точностью. В витражное окно таверны с глухим ударом врезался первый вестник. Следом подоконник заполнили механические заводные сороки и восковые почтовые горлицы. Они с металлическим скрежетом сбрасывали на деревянный стол охапки писем и тревожных вестей.

— Опять эти стервятники, — Сэмуэль брезгливо поморщился, отодвигая навязчивую макулатуру ребром ладони подальше от кожаного кофра, в который он бережно укладывал стеклянные флаконы с антрацитовыми чернилами. — Стоило нам ненадолго отлучиться, как в окна летит мусор. Сил моих нет разбирать этот хаос.

— Я сейчас просто смою их ледяной волной прямо на мостовую, — Аквариа раздраженно повела плечом, и на ее пальцах угрожающе вскипела лазурная пена. — От этой суеты даже воздух в зале стал липким и душным!

Люция с резким стуком опустила на доску латунную кружку с травяным настоем:

— Городские зеваки совсем потеряли берега. Если они сунутся в таверну лично, я спущу на них Архи. Пусть попробуют договориться с его когтями.

Бронзовый коршун на балке недовольно щелкнул клювом, настраивая янтарную линзу, но не шелохнулся.

— Архи слишком благороден, чтобы клевать назойливую мошкарку, леди, — раздался ленивый, насмешливый голос из глубокой тени у лестницы.

От колонны отделился молодой человек. Между его длинными пальцами он легко, с мерным звоном перекачивал тяжелую монету. В его взгляде читалась откровенная чертовщина: на долю секунды в глубине темных зрачков блеснул багровый, тлеющий уголь, выдавая полудемона — мастера контрактов и тонких искушений.

— Я тут случайно услышал на улицах толки, которые вам вряд ли понравятся, — полудемон качнул головой, прислонившись плечом к стене. — За вашей вампиршей открыли настоящую охоту. Местные гильдии наняли подпольных наемников, и они уже идут по ее следам.

— А тебе-то до этого что? — холодно прищурилась Аквариа, скрестив руки на груди.

— Мне просто претит несправедливость, — полудемон широко улыбнулся, легко подбросив монету. — Да и девушки вы больно симпатичные, чтобы оставаться в стороне и не захотеть вас защитить. Вот человек, например, это прекрасно понимает.

Люция одним только выражением лица показала, что абсолютно не доверяет демону, но промолчала, лишь презрительно скривив губы и глядя на него исподлобья.

— К тому же, — продолжил полудемон, мягко ступая ближе к столу, — вам ведь понадобятся деньги, чтобы скрыться и обосноваться в новом месте? У меня они есть.

— У меня они тоже есть, — сразу же жестко парировал Сэмуэль, шагнув вперед и закрывая собой часть стола.

Полудемон медленно перевел взгляд с кошелька парня прямо на него, пристально глядя только на Сэмуэля:

— А знания про местный мрак?

В этот момент его глаза странно и зловеще блеснули в полумраке таверны. Сэмуэль мгновенно напрягся всем телом, чувствуя, как по спине пробегает рой мурашек, и начиная смутно, тревожно что-то подозревать о новом знакомом.

— Какая пламенная речь, аж дух захватывает, — сухо оборвала его паузу Люция, скрестив руки на груди и даже не моргнув. — Только вот на часах полночь, а с порождениями Бездны в темноте при свечах сделки заключают разве что безнадежные безумцы.

— Бросьте, леди, время не ждет, — вскинул бровь полудемон, но эльфийка уже сделала шаг к двери, выразительно указав подбородком на порог.

— Утро вечера мудренее — человеческая поговорка, но в ней куда больше здравого смысла, — отрезала Люция. — Никаких союзов и подписей на ночь глядя. Нам нужно собраться с мыслями, а не поддаваться на красивые речи первого встречного. Ступай на улицу, подыши ночной прохладой и остуди свой пыл. Если на рассвете твои намерения не испарятся — тогда и поговорим.

Аквариа лишь едва заметно усмехнулась, опустив руки вдоль тела и погасив пенные искры на пальцах, а Сэмуэль без лишних слов открыл дверь на улицу.

Полудемон смерил эльфийку долгим, оценивающим взглядом, покачал головой и, усмехнувшись уголком губ, шутливо отсалютовал двумя пальцами у виска:

— Как скажете. Терпение — редкая добродетель, особенно для тех, кто так спешит переписать историю. До рассвета.

Он развернулся и вышел за дверь, растворившись в ночном тумане мостовой. Тяжелый засов с глухим стуком опустился на место, оставив в зале лишь тихое тиканье хронометра на груди спящего Архи.

Пока остальные начали молча расходиться по углам, готовясь к ночлегу, Сэмуэль еще долго стоял у темного окна, глядя в дождливую ночную высь. В голове назойливо крутились слова полудемона, его странный взгляд и двусмысленные намеки. О чем же на самом деле говорил этот демон, и откуда он знал то, чего не должен был знать обычный бродяга? Эта загадка тяжелым камнем легла на душу, не давая парню покоя. Появилось стойкое подозрение, что этот полудемон может быть полезен.

V: Тень из переулка

Небольшое придорожное поселение, на которое они набрели уже к полуночи, встретило их глухими ставнями и сырым запахом речной тины. Компания устроилась в скрипучем двухэтажном гостевом доме: в общей зале на первом этаже ещё звенели кружки и слышался тихий, уверенный голос Инженера, обсуждавшего маршрут, но Раф не могла больше находиться среди стен.

Она бесшумно выскользнула через чёрный ход, прикрыв за собой тяжёлую дубовую дверь.

Узкий каменный переулок за постоянным двором тонул в вязком тумане. Воздух здесь пах сырым мхом, старым кирпичом и прелыми листьями. Раф плотнее запахнула ворот тёмного плаща, скрывая бледную шею и застывшие черты лица, и запрокинула голову. Небо между покатыми черепичными крышами казалось глубоким колодцем, усыпанным редкими, холодными звёздами.

Тишина ночи была привычной, но мысли — нет.

Зачем она вообще пошла за ними? Вампир среди магов, эльфов и смертных — не союзник, а ходячее предостережение. Ее присутствие пахло опасностью, оно заставляло людей на тракте инстинктивно вжимать головы в плечи и ускорять шаг. Сколько бы она ни держала спину прямо, сколько бы ни листала чистые страницы фолианта Архита, для внешнего мира она оставалась тем, кого принято бояться и ненавидеть. Может, её место среди заброшенных склепов и ледяного покоя, а не в пестром шуме этого странного братства?

— Тоже по ночам не спится?

Голос прозвучал из тени так непринужденно, словно говоривший стоял там вечность.

Раф даже не вздрогнула — ее обостренные чувства уловили шорох кожаных сапог за пару секунд до оклика, но она не подала виду. В двух шагах от нее, небрежно привалившись к мокрой каменной кладке под тусклым витражным фонарём, стоял парень. Глубокий темный капюшон скрывал верхнюю половину его лица, оставляя на виду лишь упрямый подбородок и спокойную, чуть усталую линию губ. На его поясе висели аккуратные кожаные сумки, а на плечевом ремне мерно покачивался небольшой круглый компас.

«Знал бы ты, смертный, что я вообще никогда не сплю по ночам», — мелькнула в голове Раф холодная насмешливая мысль, но вслух она не проронила ни звука, лишь бросила на незнакомца равнодушный, скользящий взгляд.

Парень, ничуть не смутившись ее молчанием, скрестил ноги и чуть поправил край потрепанного плаща.

— Слышала, в городе объявилась шайка каких-то... чудаков не от мира сего? — продолжил он, глядя куда-то вдоль переулка. — Настоящий бродячий цирк, честное слово.

Раф повернула к нему лицо, чуть приподняв бровь. Голос ее прозвучал сухо, с легкой хрипотцой, идеально скрывающей природу хозяйки:

— И почему же сразу «чудаков»?

— А как их еще прикажешь называть? — усмехнулся парень, покачав головой. В его тоне не было неприкрытой злобы — скорее то простое, вековое недоверие человека, выросшего на земле, где каждый чужак несет беду. — Там у них целая солянка. И вампир, и эльфийка. С вампиром-то все ясно — тварь из могилы, только и ждет момента перегрызть глотку, пока ты задремал. А эти ушастые... высокомерные бестии. Вечно смотрят на людей как на грязь под сапогами, будто проживут тысячу лет и мир им обязан. Слишком много о себе мнят, магии своей горделивой напускают, а простого человека и за живую душу не считают.

Он вздохнул, переведя взгляд на мощеную мостовую:

— Одно не пойму: зачем с ними тот веснушчатый парень увязался? Нормальный же пацан, человек, из наших. Взял и прибил к нежити да зазнайкам. Сгинет ведь ни за грош.

Раф сжала пальцы в карманах плаща так, что побелели костяшки. Внутри все похолодело: откуда этот бродяга знает состав их отряда? Сколько он шел за ними следом? И главное — неужели он не узнал в ней ту самую «тварь»? Но на ее лице не дрогнул ни один мускул. Она снова промолчала, холодно глядя сквозь него.

Парень оттолкнулся плечом от стены, поправил лямку через плечо и натянул капюшон чуть глубже, пряча лицо в густой тени.

— Ладно. Ты бы тоже долго на улице не стояла, красавица, — бросил он напоследок, уже разворачиваясь в сторону ночных улиц. — Нехорошие времена. Зазеваешься в таком закоулке — выскочит какой-нибудь кровосос из темноты, и поминай как звали. Ступай в тепло.

Его шаги быстро и мягко растворились в сыром тумане, стихнув за поворотом узкой улочки.

Раф осталась стоять одна у каменной стены. Ночной ветерок тронул подол ее плаща, принесся горький запах дыма и сырости.

Она медленно посмотрела на свои тонкие бледные руки. Тот самый выбор, который она сделала когда-то — запереть голод внутри, отказаться от вкуса живой человеческой крови и выживать на суррогатах ради крупницы рассудка... ради чего всё это было? Было ли в этом хоть капля смысла, если для любого прохожего мальчишки она навсегда останется слепым, жадным монстром из детских страшилок?

Оценят ли люди хоть когда-нибудь эту сдержанность?

Ответа не было. Но где-то за дубовой дверью гостиницы парень с веснушками снова сыпал зерна в медную турку, Инженер чертил прямые линии нового пути, а механический коршун ждал, пока в фолиант впишут их настоящие имена. Раф сделала глубокий, ненужный для ее мертвых легких вдох и толкнула дверь обратно в тепло.

VI: Следы на полях

Пыль столичного архива пахла сухим пергаментом, сургучом и чужим равнодушием.

Два года назад Сэмуэль входил в главные ворота столицы с колотящимся сердцем и наивной, чистой верой: здесь, среди белокаменных арок и высоких башен, живут те самые великие умы, о которых шептались в его глухой деревне. Мыслители, философы, мастера слова. Но позолота осыпалась за пару месяцев. За красивыми макияжами женщин и дорогой одеждой мужчин скрывалась все та же удушливая пустота: сплетни об интрижках магистрата, споры о ценах на овес и ленивая сытость. Люди здесь не искали истины — они просто наряжали свое дремучее невежество в шелк и бархат.

Тогда Сэмуэль заперся от мира сам. Если вокруг не нашлось великих умов, оставалось только одно — вырастить такой ум внутри себя. Он читал до ряби в глазах, глотая трактат за трактатом в тихих лабиринтах полок.

Но в тот вечер все было иначе.

Никакого чинного штудирования. Пальцы Сэмуэля мелко подрагивали, волосы были взъерошены, ворот походной рубахи расстегнут, а в груди глухо и часто колотился пульс. Он метался вдоль глухих дубовых шкафов в секции запрещенных классификаций, нервно вчитываясь в тусклые медные таблички на полках: «Анатомия смертных», «Ремесла и металлы», «География долин».

Не то. Все не то.

Он сжал зубы, почти срываясь на бег, пока взгляд не зацепился за узкий, затянутый паутиной тупик с покосившейся надписью: «Нерушимые узы: Создания Предвечной сути».

Сэмуэль лихорадочно выдернул с полки массивный том в темной шагреновой коже, уронив пару соседних свитков прямо на каменный пол. Плевать. Он даже не стал поднимать их. Пальцы, испачканные сажей и чернилами, яростно перелистывали хрупкие страницы, пока глаза не наткнулись на гравюры: стихийные эманации, застывшая бессмертная плоть, вечные души, не знающие тлена человеческого века.

Ему нужны были не сказки. Ему нужны были истинные Первородные — те, в чьих жилах течет магия такой древней и плотной силы, что способна переломить сам ход неизбежного. Он судорожно вытащил из кармана сложенный вчетверо кусок серой бумаги с чужой смазанной пометкой, сличил символы и шумно втянул воздух. Если трактат не лгал... если хотя бы крупица из этого была правдой, спасение лежало лишь в руках тех, кого люди привыкли называть чудовищами.

— Сэмуэль? О чем ты задумался?

Голос прозвучал как всплеск холодной родниковой воды, мгновенно смывая видение пыльных библиотечных полок.

Сэмуэль моргнул, возвращаясь в реальность.

Он сидел за низким деревянным столом в дальнем углу общей залы скрипучей придорожной гостиницы. На грубой доске перед ним стояла остывшая медная турка, а напротив, подперев щеку ладонью, сидела Водица. В полумраке её прозрачные глаза казались двумя глубокими омутами, по поверхности которых скользила мерная, успокаивающая рябь.

— Ни о чем, — быстро ответил парень, отводя взгляд и машинально проводя ладонью по взъерошенным веснушчатым щекам. — Просто... дорога выматывает.

Он окинул взглядом опустевший угол и слегка нахмурился:

— А куда делись остальные девочки? Раф и Люция?

— Скоро вернутся, — мягко ответила Водица, легонько коснувшись кончиками пальцев края его чашки, отчего по остывшему кофе пошли крошечные круги. — Не забивай голову

лишними тревогами, Сэм. Ночь на дворе, Инженер все рассчитал, полудемон занят чем-то полезным. Я надеюсь. Иди наверх, поспи. Тебе нужны силы на завтрашний переход.

Сэмуэль не стал спорить. Он коротко кивнул, поднялся из-за стола и медленно побрел к скрипучей лестнице, ведущей на второй этаж.

С каждым шагом по истертым ступеням в груди поднималась тяжелая, давящая тишина.

Какая злая, парадоксальная ирония. Когда-то он презирал людей за их узколобость, мелочность и серость, сознательно бежал от них в пыльные архивы, мечтая перерасти весь этот людской муравейник. А теперь? Теперь он делит хлеб, дорогу и тайны с живой стихией, вампиршей, древней эльфийкой и порождением Бездны.

И он обязан оставаться рядом с ними. Чего бы это ни стоило, как бы опасно ни было каждое мгновение их пути. Только их непостижимая, пугающая природа держала ключ к той единственной цели, ради которой он когда-то перерыл весь столичный архив.

Но мир вокруг уже вынес свой приговор.

Тот незнакомец в переулке, случайные взгляды трактирщиков, испуганный шепоток за спиной — все складывалось в одну невыносимо ясную картину: сбежав от глупости людей к мистическим созданиям, он сам перешагнул черту. Теперь уже люди не хотели иметь с ним ничего общего, видя в веснушчатом парне предателя собственного рода и прислужника чудовищ.

Сэмуэль толкнул дверь своей тесной комнаты, опустился на край жесткой постели и уставился в темноту за окном.

На душе было бесконечно горько.

VII: Бог и черви

Деревянные ступени старой гостиницы отзывались глухим, надсадным скрипом под каждым осторожным шагом. Раф поднималась на второй этаж, стараясь ступать почти невесомо, чтобы не тревожить рассохшиеся половицы. Но тело не слушалось так, как раньше: в мышцах осела тупая, свинцовая тяжесть. Не от дороги и не от ран — изнутри точила сухая, выматывающая жажда, с которой она вела войну каждую секунду каждого дня.

За дверью в конце коридора было тихо. Там ждали Аквариа и Люция, и Раф хотелось лишь одного: закрыть засов, сесть в темный угол и не чувствовать запаха чужой, теплой, пульсирующей в венах жизни.

Добраться до комнаты ей не дали.

Тьма в узком пролете вдруг сгустилась, потеряла прозрачность и мазнула по лицу запахом остывшей золы, серы и ночной сырости. Прямо из излома тени, словно выткавшись из воздуха, шагнул Кассиан. Он не издал ни звука — просто оказался на пути, будто стоял там задолго до того, как скрипнула первая ступенька.

Раф инстинктивно подобралась, пальцы сами сжались в кулаки, а ногти впились в ладони. Демонов презирали даже люди, но среди вампиров к ним относились с особой, брезгливой настороженностью. В Кассиане сквозила въедливая, расчетливая насмешка существа, привыкшего мерить чужие слабости звонкой монетой и чужой кровью.

Радости эта встреча не сулила. Раф даже не попыталась скрыть холодного раздражения:

— Чего тебе, Касс? — глухо бросила она, намереваясь обойти его по дуге.

— Почему ты не кормишь своего зверя? — негромко поинтересовался он, не сдвинувшись ни на дюйм.

Раф замерла. Она опешила от нелепости вопроса и вперила в него тяжелый, абсолютно непонимающий взгляд.

— Твоего внутреннего беса. Кровопийцу. Суть, — лениво пояснил полудемон, разведя ладони в притворном жесте невинности. — Называй как угодно. Ты ведь упрямо душишь то, чем являешься на самом деле.

Раф ничего не ответила. Ее лицо превратилось в сухую, застывшую маску. Не удостоив его ни словом, ни вздохом, она сделала шаг к двери, нащупала холодную железную ручку и уже собиралась потянуть створку на себя, чтобы отрезать этот разговор.

Кассиан скользнул ближе. Без резких движений он небрежно облокотился плечом о деревянный косяк прямо перед ее лицом, перекрывая вход.

— А что, если такова задумка бога?

Рука девушки на железе застыла. Пальцы побелели от напряжения. Раф не шелохнулась, даже не моргнула, уставившись в шершавое дерево двери.

Полудемон тихо хмыкнул, поняв, что зацепил за живое, и продолжил. Голос его звучал вкрадчиво, с безжалостной, холодной логикой:

— Ты ведь свято уверена, что твое проклятие — это ошибка мироздания. Грязь, слепая воля чертовщины, случайная порча. А вдруг вовсе не дьявол, а сам создатель так решил? Вдруг он задумал, чтобы ты убивала? Посуди сама. Ты не смертна. Твое тело не ляжет в сырую яму, ты не достанешься могильным червям, личинкам, жукам-могильщикам, плесени и корням трав. Ни одна тварь, привыкшая пировать на падали, не получит ни крохи твоей плоти. Ни сейчас, ни через сотни лет. А ведь эти паразиты тоже хотят жрать. Они здесь не просто так, их тоже кто-то создал, вписал в круговорот, дал им это право. И что получается?

Кассиан наклонил голову, заглядывая ей в лицо снизу вверх:

— Получается, Раф, ты просто откупаешься перед этим круговоротом чужими жизнями. Один смертный вместо тебя — червям, земле, тлену. Ты не ломаешь порядок, ты лишь платишь чужой плотью за то, чтобы не отдавать свою.

Полудемон замолчал. В тусклом свете коридора блеснули его янтарные зрачки. Он ждал. Ждал вспышки, крика, оправданий или хотя бы дрожи в чужих глазах.

Раф медленно, с тягучим усилием повернула голову. Ее взгляд был абсолютно пуст, как зимний наст, и резок, как лезвие охотничьего ножа.

— Тогда я нарушу богу все его планы, — ровно отчеканила она, глядя ему прямо в зрачки. Ни единой интонации сомнения.

Кассиан на секунду замер, словно пробуя ее ответ на вкус, а затем коротко, сухо рассмеялся, качнув головой:

— Смотри, как бы боком не вышло. Бунтари долго не живут — даже бессмертные. Подружка твоя вот, эльфийка, своим зверем не брезгует. Берет то, что причитается, и спит спокойно.

Раф обожгла его пронзительным, колючим взглядом. В глубине ее глаз на миг всколыхнулось что-то темное, хищное, с трудом загнанное обратно под замок. Она с силой нажала на ручку и распахнула дверь, переступая через порог в темноту комнаты.

— Почему ты вечно такая молчаливая? — вдруг окликнул ее полудемон, и на этот раз в его голосе не было привычной издевки — только странное, зацепившееся любопытство.

— Зато ты слишком разговорчивый, — не оборачиваясь, бросила Раф.

— И все же? — не отстал Касс.

Она замерла посреди комнаты. В тишине слышалось только мерное, ровное дыхание спящих девушек и далекий шум ночной улицы за стеклом. Повисла тяжелая, вязкая пауза.

— Раньше говорила много, — тихо обронила Раф, глядя в пол перед собой.

Дверь за ее спиной захлопнулась, щелкнул металлический засов, оставив полудемона одного в пустом, стылом коридоре.

VIII: Чужие грехи

Утренний туман висел над низиной плотным полотном, цепляясь за гривы лошадей и оседая тяжелой влагой на кожаных плащах. Инженер течений оставил их еще на рассвете у развилки старого тракта. Он не любил долгих прощаний: сухо свернул мерные линейки, вложил в тонкие пальцы Акварию подробный чертеж с пометками уровня русел и просто ушел назад, в сторону города, растворившись в сыром воздухе так же деловито, как и появился. Карта из плотной вошеной бумаги теперь покоилась в руках водицы. Она держала ее бережно, сверяя изгибы чертежа с извилистой речной лентой, вдоль которой они мерно продвигались вперед уже несколько часов.

Вода в реке казалась мутной, сонной, свинцово-серой под затянутым тучами небом. Тишину нарушал лишь мерный стук подкованных копыт по влажной глине, редкое фырканье уставших коней да сухой треск латунных шестеренок механического коршуна Архи, дремавшего в чехле у седла Сэмуэля.

За очередным поворотом русло резко сужалось, образуя каменистую отмель, заросшую корявыми ивами. Внимание отряда привлек судорожный, рваный плеск у самой кромки берега.

Сэмуэль первым придержал поводья. Среди спутанных плетей тины и тяжелых узлов темной веревки билось живое существо. Это была русалка — совсем юная, почти ребенок. Ее серебристая чешуя на гибком хвосте была ободрана о камни, тонкие перепонки на руках кровоточили, а длинные водорослеподобные волосы намертво запутались в грубых волокнах. Сеть захлестнула ей шею и плавники, прибивая к илистому дну.

— Стойте, — негромко бросил Сэмуэль, соскальзывая с седла в чавкающую грязь.

Аквария спешила следом. Ее шаг был текучим и плавным, от самого ее присутствия речная заводь слегка всколыхнулась, будто узнавая родственную стихию. Но едва маленькая пленница сквозь мокрые пряди увидела лицо водицы, отчаянный плач мгновенно оборвался. Детское личико исказила гримаса такой неприкрытой, лютой злобы, что парень невольно замер с ножом в руке.

— Не подходи! Убирайся! — захлебываясь речной пеной, зашипела русалка. Ее голос звучал тонко, визгливо, с надрывом, обнажая мелкие острые зубы. — Мне ничего от тебя не надо! Слышишь?! Проваливай обратно в свою бездну!

Ярость в глазах существа была настолько живой и плотной, что казалась осязаемой. Аквария застыла. Ее смертное лицо сделалось бледнее речного тумана, плечи едва заметно опустились, а руки безвольно повисли вдоль тела. Она не сделала ни шага вперед, не проронила ни слова в защиту — лишь молча отступила назад, под тень склоненных ив, отведя глаза.

Сэмуэль растерянно перевел взгляд с русалки на полудуха, но медлить было нельзя: узлы врезались в жабры пленницы. Он присел на колено у самой кромки, осторожно поддевая лезвием грубые жилы.

— Тихо, не дергайся. Я просто срежу сеть, — глухо сказал парень.

Русалка больше не кричала, но тяжело, хрипло дышала, с ненавистью вперившись взглядом в стоявшую поодаль Акварию. Сэмуэль быстро перерезал последние переплетения. Как только веревки ослабли, девчонка резко рванулась, оцарапав чешуей гальку, ожгла водицу последним испепеляющим, полным презрения взглядом, с силой ударила хвостом по мутной глади и стрелой ушла на глубину, оставив после себя лишь круги пены.

Сэмуэль поднялся, отряхивая мокрые колени и пряча нож в ножны. Он не выдержал:

— Почему она так на тебя взъелась, Аквария? Вы же... из одной воды.

Полудух не ответила. Она стояла неподвижно, глядя в то место, где исчезла пленница, словно обратившись в камень.

Зато за спиной послышался сухой, язвительный звук. Эльфийка, не слезая с коня, насмехливо, без злобы фыркнула, поправляя тетиву за плечом.

— Ничего-то вы не знаете, люди, — сказала Люция, глядя куда-то поверх крон деревьев.

Раф тем временем поравнялась с Сэмуэлем. Ее капюшон скрывал лицо, но голос прозвучал тихо, сухо и слишком отчетливо для человеческого уха:

— Наш благородный дух воды вовсе не так свят, как тебе хотелось бы думать, Сэм.

В этих словах не было крика — лишь голый, отточенный факт. Аквариа медленно повернула голову. В ее глазах, обычно спокойных и прозрачных, как стоячая глубина, вспыхнул такой яростный, тяжелый гнев, что воздух между ними будто сгустился в тугую волну. Сэмуэль непонимающе переводил взгляд с одной на другую, ощущая, как почва уходит из-под ног. Ему нужен был дух — не просто могущественный, а чистый. Тот, кого признали бы святым люди или хотя бы дети рек. Тот, за кем пойдут без страха. А вместо этого он видел лишь груз вины и чужие старые счеты.

Остаток пути до сумерек прошел в давящем, абсолютном молчании. Ни скрипа седла, ни единого вопроса. Только мерный шаг коней и монотонный шум реки, которая теперь казалась чужой и враждебной.

На ночлег встали уже в глубине векового леса, сойдя с дороги под своды старых дубов. Воздух здесь был суше, пахло прелой листвой, корой и надвигающимся ночным холодом. Пока Кассиан возился с лошадьми, а Раф и Аквариа разводили костер, Люция ушла к кромке поляны. Она стояла, небрежно прислонившись спиной к шершавому стволу могучего вяза, и неотрывно смотрела в темную, непроглядную глубь чащи.

Сэмуэль помедлил, подошел ближе и встал в паре шагов.

— Люция, насчет Аквари... — начал он, но эльфийка оборвала его резко, даже не повернув головы.

— Зачем ты увязался за нами, человек?

Сэмуэль осекся. Внутри него шевельнулась пустота. Я и сам уже толком не знаю, — мелькнула горькая мысль, но губы остались плотно сомкнутыми. Он не собирался выдавать свою тайну.

Люция чуть склонила голову, скользнув по нему холодным взглядом раскосых глаз:

— С демоном все понятно. Кассиан точно преследует какую-то свою выгоду, у него на лбу написан расчет. Но ты... Ты не похож на того, кто чего-то требует. В любом случае, ты таскаешься за нами уже которую неделю и до сих пор ничего не попросил. Ни золота, ни защиты, ни магии. Что ты здесь забыл?

Парень нарочито проигнорировал ее выпад, глядя в сторону лагеря.

— С чего ты вообще взяла, что полудемону что-то от нас нужно? — спросил он, уводя тему.

Люция усмехнулась — коротко и безрадостно:

— Он полудемон, Сэм. Таким всегда что-то нужно. Бескорыстие выжигает их изнутри быстрее каленого железа.

Сэмуэль искоса бросил взгляд на Кассиана, который как раз затягивал путы на передних ногах коня с видом абсолютно безразличного ремесленника.

— А насчет той русалки... — тихо произнес парень, понижая голос. — Сеть была странной. Не похоже это на простые рыбацьи сети смертных. Кто-то охотится целенаправленно.

Эльфийка медленно кивнула, нахмурившись. Ее острые пальцы коснулись рукояти кинжала на поясе, взгляд стал острее — мысль упала на благодатную почву подозрения.

Их диалог разорвал резкий, перешедший на непривычные высокие тона голос Аквари.

Сэмуэль и Люция синхронно обернулись к костру.

Водица и вампирша стояли лицом к лицу, разделенные лишь узкой полосой тлеющих углей. Воздух вокруг них дрожал. На кончиках тонких пальцев Аквари с тихим свистом кру-

жились водяные капли — они вытянулись, затвердели, превратившись в прозрачные, острые как бритва клинки, готовые сорваться в полет. Но страшнее выглядела Раф. Ее человеческие черты стерлись: белки глаз залила густая, бездонная чернота, а тонкие вены на висках вздулись серыми ветвями. В ней больше не было спокойной рассудительности — перед полубогиней стоял голодный, обнаживший клыки хищник, доведенный до предела.

— Раф!.. — выдохнул Сэмуэль, сделав невольный шаг вперед. В его голосе звенело неподдельное, испуганное беспокойство.

Вампирша дернула головой на звук его голоса. Она поймала широкий, полный тревоги взгляд человека. Это подействовало словно ледяной ушат. Чернота в ее глазах дрогнула, заколебалась и схлынула, возвращая зрачкам прежний блеклый, усталый оттенок. Раф опустила подбородок, бросила на Акварию последний ледяной, полный глухой обиды взгляд, резко развернулась и молча ушла в тень за палатками, закрываясь в себе глухой непроницаемой стеной.

Капли на пальцах Акварии с сухим щелчком разбились оземь, обратившись в простую лужицу.

Люция рядом с парнем тяжело, надсадно вздохнула, покачала головой и с силой хлопнула Сэмуэля по плечу:

— Иди отдыхай, дипломат. Здесь сегодня никто никого не убьет. Слишком много чести. Она развернулась и неторопливо направилась к своей подстилке.

Вскоре лагерь окончательно погрузился в сон. Потрескивал догорающий костер, из палаток доносилось лишь ровное, приглушенное дыхание уставших спутников. Дежурить первой сменой вызвался Сэмуэль. Он сидел на поваленном замшелом бревне, поджав колени и положив на них обнаженный короткий клинок.

Ночь была глухой. Лес не шумел — он словно затаился, выжидая.

В какой-то момент волоски на затылке Сэмуэля встали дыбом. По телу пробежал знакомый, липкий холод первобытного ужаса. Парень медленно, стараясь не выдать страха, поднял голову.

Метрах в двадцати, прямо между толстыми стволами двух вековых дубов, сгустилась тьма. Это была не игра лунного света. Это была тяжелая, живая, бесформенная тень, клубящаяся черным дымом.

Тень не приближалась. В ее клубящихся очертаниях не было глаз, но Сэмуэль физически ощущал чужой, ледяной, насмешливый взгляд, впившийся прямо в его душу. Тварь знала о каждой трещине в этом отряде. Знала о гневе русалок, о ярости Раф, о бессилии Акварии и о его собственной лжи.

Сэмуэль не отвел взгляда. Он стиснул рукоять меча так, что побелели костяшки, и уставился прямо в клубящийся морок, безмолвно принимая этот вызов.

Они смотрели друг на друга долгие, мучительные секунды, пока ночной порыв ветра не качнул ветви. Тень дрогнула, вытянулась вверх и без единого звука уплыла в лесную глушь, словно растворившись в ночном тумане.

Сэмуэль шумно выдохнул, разжимая затекшие пальцы. Он повернул голову к лагерю. В неверном свете углей смутно белели палатки, где спали водица и вампирша — два расколотых, полных боли существа, на которых он возложил неподъемную ношу спасения этого мира.

Парень тихонько, горько вздохнул и опустил клинок на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.